

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА THE FOREIGN POLICY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368

EDN: IZAZTT

Научная статья / Research article

Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» об участии херсонеситов в боевых действиях III–IV веков: военно-тактический аспект

В.В. Хапаев

Севастопольский государственный университет, Севастополь,
Российская Федерация

✉ khapaev007@mail.ru

Аннотация. Изучается военно-тактический аспект четырех войн конца III — первой половины IV века, в которых на стороне Рима участвовал Херсонесский полис. Информация о них изложена в главе 53 наставления византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Показано, что этот отрывок является органической частью трактата и помещен в него намеренно, как образец сочетания доблести, хитрости и верности херсонеситов Риму, что было полезным для адресата повествования — юного императора Романа II. Установлено, что использование мобильного отряда вооруженных легкой метательной артиллерией повозок для засадных действий в ходе «Битвы при Боспоре» 291 г. было инновацией в военном деле, что и привлекло внимание Константина Багрянородного. Остальные аспекты этой битвы коррелируют с наставлениями трактата «De re militari» Флавия Вегеция. Победное участие херсонесских войск в двух следующих сражениях — на Дунае и при Кафе придало херсонеситам уверенности в своих силах и позволило впервые в истории расширить владения полиса до границ Керченского полуострова. Поединок архонта Херсонеса Фарнака с Боспорским царем, решивший исход противостояния в четвертой войне, не является вымыслом и имеет многочисленные аналогии как в предшествующей греко-римской, так и в последующей византийской истории.

© Хапаев В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Херсонес, Боспор, Константин Багрянородный, войны, тактика, хироволистры, поединок

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 13.02.2024. Принята к публикации: 17.04.2024.

Для цитирования: Ханаев В.В. Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» об участии херсонеситов в боевых действиях III–IV веков: военно-тактический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 352–368. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368>

The treatise by Constantine Porphyrogenitus 'De Administrando Imperio' on the Chersonesos participation in the 3rd–4th centuries' wars: military tactical aspect

Vadim V. Khapaev

Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

✉ khapaev007@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the military-tactical aspect of four wars late 3rd — first half of the 4th century. During this wars the Chersonesos polis participated on the side of Rome. Information about them is presented in chapter 53 of the of the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitus tractate «De Administrando Imperio». This passage is an organic part of the treatise and was placed in it deliberately, as an example of Chersonesites valor, cunning and loyalty to Rome, which was useful for the addressee of the narrative — the young Emperor Romanus II. It has been established, that the use of a mobile detachment of carts armed with light throwing artillery for ambush operations during the «Battle at Bosphorus» in 291 was an innovation in military affairs, which attracted the attention of Constantine Porphyrogenitus. Other aspects of this battle correlate with the instructions of the treatise «De re militari» by Vegetius Flavius. The victorious participation of the Chersonesos troops in the next two battles — on the Danube and «At Kafa» — gave Chersonesos confidence in their abilities and made it possible for the first time in history to expand the possessions of their state to the borders of the Kerch Peninsula. The duel between the Archon of Chersonesos, Pharnaces, and the Bosphoran king, which decided the outcome of the confrontation in the fourth war, is not fiction and has numerous analogies in both previous Greco-Roman and subsequent Byzantine history.

Keywords: Chersonesos, Bosphorus, Constantine Porphyrogenitus, wars, tactics, hirovolistra, duel

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 13.02.2024. Accepted: 17.04.2024.

For citation: Khapaev VV. The treatise by Constantine Porphyrogenitus 'De Administrando Imperio' on the Chersonesos participation in the 3rd–4th centuries' wars: military tactical aspect. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):352–368. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368>

Введение

Заключительная (и самая текстуально обширная) глава 53 трактата византийского императора Константина VII Багрянородного (913/945–959) «Об управлении империей» содержит пять античных сюжетов, как будто бы не имеющих отношения к основному содержанию этого труда. Он представляет собой инструкцию по ведению внешней политики империи, написанную Константином VII (или под его непосредственным руководством) для старшего сына, соправителя (с 6 апреля 945 года) и преемника — Романа II (959–963). Поэтому основное содержание трактата — актуальные для середины X в. рекомендации о том, как необходимо вести дела на различных внешнеполитических направлениях. Время написания текста, традиционно относимое к 948–952 гг. [1. С. 5], возможно, было более поздним — 953–959 гг. По мнению А.С. Щавелева, вероятнее всего он был завершён императором в 955 г. и преподнесен Роману II в подарок по случаю его бракосочетания с Феофаной [2. С. 701].

Автор в нескольких главах приводит исторические экскурсы. Они, как правило, носят назидательный характер и имеют политическую актуальность для своего времени. Такова глава 14 «О происхождении Мухумета» (*De Admin.* 14), призванная показать, что он — лжепророк и язычник. В условиях многовековых войн ромеев с мусульманами это служило мотивацией к их продолжению. Несколько последующих глав, в которых излагается (в весьма искаженной ромейской интерпретации) история арабов и их завоеваний (главы 15–22), также призваны проинформировать будущего автократора о том, с кем ему предстоит иметь дело и в войне, и в мире.

В самой обширной — 53-й — главе трактата дело обстоит, казалось бы, иначе. На языке оригинала она именуется «Ἱστορία περὶ τοῦ Κάστρου Χερσονόου», в латинском переводе «*De castro Chersonis historia*» [3. С. 202]. На русский язык М.В. Бибиков и Л.И. Грацианская перевели ее название так: «Повествование о крепости Херсон» [1. С. 9, 246–247]. Перевод слова «Ἱστορία» как «Повествование», являющийся обращением к древнеримскому смысловому наполнению этого термина, представляется в данном случае не отражающим сути главы. Если бы в ней содержалось описание крепости Херсон, основанное на современных автору впечатлениях, она была бы повествованием. Но большая часть главы 53 повествует не о Херсоне X в., а о его далеком античном прошлом, т.е. излагает именно яркие события истории этого полиса.

В главе 53 автор в одиннадцатый раз обращается к теме Херсона. До этого Херсон и херсониты упоминаются в главах 1, 2, 6, 7, 8, 9, 11, 22, 37, 42. Всего в трактате, по моим подсчетам, слова «Херсон» и «херсониты» упоминаются 106 раз, в том числе в главе 53 — 68 раз (*De Admin.* 53). Ни один топоним, ни один населенный пункт, включая Константинополь, не обозначен в трактате «Об управлении империей» столь часто. Огромное, можно сказать,

приоритетное внимание императора к Херсону при работе над трактатом совершенно очевидно.

В заключительной главе он дает обширнейший экскурс в античную историю Херсона (тогда еще Херсонеса), выбрав в качестве сквозной темы этого повествования противостояние херсонеситов и Боспорского царства.

Несмотря на уникальность и ценнейшую информативность античных сюжетов главы 53, с момента первой публикации трактата «Об управлении империей» голландским историком, филологом и антикваром Йоханнесом Меурзием [3] в Лейдене в 1611 г., они долгое время не подвергались научному изучению. Лишь один из них — о спасительнице Херсонеса Гикий, дочери Ламаха — воспринимался, как минимум, с первой четверти XIX в., как вполне правдивый эпизод древней истории Крыма и стал достоянием образованной публики. Вот, например, что писал об этом в репортаже о посещении херсонесских руин, опубликованном в 1827 г., корреспондент петербургской газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества» Христиан Штир: *«Не на сем ли месте находился дворец знаменитой Гикий, коей геройские подвиги передал нам Константин Порфирородный в письмах своих?»* [4. С. 245]. Этот же сюжет первым удостоился научного анализа — в 1897 г. его результаты опубликовал британский исследователь Р. Гарнетт [5].

Четыре первых сюжета (а именно они представляют для нас интерес как содержащие информацию о боевых действиях) такого внимания не удостоились, хотя Р. Гарнетт в той же публикации назвал и их историческими [5. С. 102].

Видимо, это было связано с тем, что авторитетный ученый второй половины XIX — начала XX в., единственный в мире историк — лауреат Нобелевской премии, автор классической «Римской истории» Теодор Моммзен (прославившийся также русофобией и демонстративным пренебрежением к славянским этносам [6]), дал резко негативную оценку экскурсу Константина Багрянородного в историю античного Херсонеса. Фактически он эти сведения полностью дезавуировал: *«Невозможно, конечно, принимать всерьез фантастические рассказы о Херсонесе у более позднего автора, Константина Багрянородного (De adm. imp., 53). Злой боспорский царь Савромат... который вместе с сарматами ведет войну против императоров Диоклетиана и Констанция, а также против оставшегося верным империи Херсона, очевидно, появился в результате смешения имен боспорского царя и народа, а самое это сообщение представляет точно такой же исторический факт, как и вариация на тему о Давиде и Голиафе – победа маленького херсонесца Фарнака над великаном – царем боспорцев Савроматом»* [7. С. 270. Прим. 72].

Изучения информации, изложенной Константином Багрянородным, Т. Моммзен не предпринял. Но до сегодняшнего дня отбил у исследователей охоту к анализу военного аспекта херсонесско-боспорских войн, изложенных в «Истории крепости Херсон».

Многие авторы, обращающиеся к сюжетам о херсонесско-боспорских войнах, до сих пор, вслед за Т. Моммзенем, считают их вымыслом [8], [9. С. 47–48], [10]. А те, кто исходит из их достоверности, как правило, обходят описания самих сражений, видимо, все еще считая их «фантастическими рассказами» и «чудесами» [11], [12], [13. С. 33–40], [14]. Хотя, как будет показано ниже, ничего «чудесного» и неправдоподобного в этих повествованиях нет. Основной своей задачей авторы, признающие достоверным сам факт херсонесско-боспорских войн, видят в поиске археологических подтверждений того, что они имели место. Так же, как и участие херсонесского отряда «преданных баллистариев» в боевых действиях против готов на Дунае под началом императора Константина I Великого.

Поскольку такие артефакты действительно обнаружены и число их увеличивается [15. С. 269 сл.], исследователи приходят ко все более уверенному выводу, что четыре первых эпизода древней истории Херсонеса, изложенные Константином Багрянородным, не фантастические рассказы, а отражение исторической реальности. Но вот само это отражение по-прежнему называют «беллетризированным» [15. С. 269], отказывая византийскому императору и его херсонскому источнику в праве на достоверность.

Проанализируем, насколько этому источнику можно доверять. Для начала рассмотрим, верно ли предположение, что «История крепости Херсон» — механическая, чужеродная вставка [1. С. 450]. Напомню, на каких носителях до нас дошел текст трактата. Он сохранился в четырех списках. Три из них — копии XVI в. с единственного средневекового манускрипта. Этот единственный экземпляр, известный как *Codex Parisinus gr. 2009*, создан во второй половине XI в. [16. Р. 16–23]. Согласно расчетам А.С. Щавелева, он был написан между 1059–1073 или 1081–1088 гг. по заказу кесаря (младшего императора, соправителя василевса) Иоанна Дуки (1059–1088). В первом случае список с существовавшего в единственном экземпляре, вероятно, секретного протографа, хранившегося в Императорской библиотеке, мог быть заказан кесарем для собственного изучения. Во втором случае — в качестве пособия для обучения царевичей — будущих Константина X и Михаила VII, у которых заказчик был наставником. На обороте листа 211 сохранился колофон с именами как заказчика, так и переписчика — Михаила по прозвищу Ройзайту (Ροῖζαῖτου), приближенного кесаря [17. Р. 681–683]. Понятно, что доверить копирование сверхсекретного документа рядовому писцу было нельзя.

А.С. Щавелев полагает, что авторов текста трактата было двое. Один из них — сам император Константин VII, второй — его доверенный человек («писатель-призрак»). Исследователь предположил, что им был Феодор, архиепископ Кизика — города на берегу Мраморного моря, в 85 км от столицы. Это предположение строится на том, что император

и архиерей вели активную переписку, и Феодор был соавтором публичных речей императора [17. Р. 687–690].

К написанию интересующей нас главы 53, по мнению А.С. Щавелева, приложили руку оба гипотетических автора. «Первый» (император?) написал в конце текста указание, что нужно делать с херсонитами в случае их восстания или неповиновения (De Admin. 53.530–535). А «второй» (архиепископ?) — информацию об источниках и сортах нефти, добываемой на Кубани («в Хазарии») (De Admin. 53.493–529) [17. Р. 694, 698].

Вопрос о том, кто был инициатором помещения в трактат обширнейшей исторической выписки о противостоянии Херсонеса и Боспора, в историографии не ставился. Но рискну предположить, что это был Константин VII, который в любом случае являлся основным редактором текста, даже тех его частей, которые он сам не писал. Как предположил А.С. Щавелев, значительная часть сведений, изложенных в трактате, могла изначально записываться любознательным императором для себя, начиная с подросткового возраста [17. С. 697]. А обилие упоминаний Херсона в 11 главах текста из 53 свидетельствует о том, что этот город, и не только его история, но и в первую очередь актуальное значение для империи интересовали василевса всю его жизнь. Список местной херсонесской хроники он мог заказать задолго до написания трактата «Об управлении империей», а попавшие в главу 53 истории были его любимыми сюжетами, учитывая и их увлекательность, и эмоциональность изложения (совершенно не характерную для основного текста трактата). Император поделился с сыном историей противостояния херсонеситов и боспорян так же, как мы делимся с близкими любимыми книгами.

У Константина VII было не так много информации об окружающем мире, которую он мог бы передать преемнику, как может показаться, учитывая его статус. Американский исследователь И. Шевченко подметил, что сведения, изложенные в трактате, — это тот максимум, который смогли собрать император и его гипотетический соавтор. И каждое из них создатели наставления считали очень важным и эксклюзивным [18]. В чем могла состоять для политического планирования X в. важность событий, происходивших на Крымском полуострове в античности, станет понятно после анализа содержания изучаемых нами отрывков.

Битва при Боспоре (первый сюжет)

Во всех четырех сюжетах, которые мы изучаем, боспорские цари названы Савроматами. Поэтому их идентификация с подлинными историческими персонажами дискуссионна. М.Б. Щукин логично предположил, что составитель приводимой Константином VII хроники использовал слово «Савромат» не в качестве антропонима, а как титул боспорского царя (аналогично римскому титулу «цезарь») [19. С. 446]. Возможно, автор первоисточника стремился

подчеркнуть этим варварскую сущность боспорских правителей в период их противостояния с Римом и Херсонесом. Ниже привожу идентификацию боспорских царей, упоминаемых в главе 53, в соответствии со сложившейся в историографии традицией.

В 291 г. боспорский царь Савромат (видимо, имеется в виду Фофорс (285–309) [1. С. 451. Прим. 3]) в союзе с сарматами и готами начал войну с Римской империей, захватив ее владения на Кавказе и северо-востоке Малой Азии, вплоть до реки Галис (совр. Кызыл-Йырмак). Император Диоклетиан направил против него войско под командованием Константа, в котором исследователи единодушно усматривают Констанция Хлора, будущего тетрарха [11. С. 206–208]. Но римляне не выдержали натиска. Тогда Констанций обратился к императору с просьбой направить херсонеситов против Боспора, пока там нет царя и большого войска, чтобы заставить Фофорса вернуться в Крым (De Admin. 53.1–20).

Главой Херсонеса («венценосцем и протевонном», т.е. «первенствующим») был тогда Хрест, сын Папия. Херсонеситы позвали на помощь «*мужей из соседних крепостей*» (De Admin. 53.28–29) (возможно, подконтрольных им варваров Юго-Западного Крыма), снарядили хироволистры, установив их на колесницы, и двинулись к городу Боспор, как тогда уже назывался Пантикапей. Достигнув окрестностей боспорской столицы ночью, они замаскировали артиллерию и ее боевые расчеты в засадах, а сами с утра небольшими силами стали атаковать городские стены. К трем часам дня херсонесская полевая армия, имитируя бегство, смогла выманить боспорян на открытую местность для преследования и умелым маневром подвела их под огонь замаскированных хироволистр. Вражеское войско было перебито, а херсонеситы захватили беззащитный Боспор и другие города царства (De Admin. 53.21–40).

«Никого более не убивая, кроме продолжающих воевать» (De Admin. 53.40–41), херсонеситы удерживали Боспор под своим контролем. Через несколько дней предводитель победителей Хрест выдвинул ультиматум женам Фофорса: или их муж заключает с римлянами мир и возвращается на Боспор, или жены царя и все боспоряне будут перебиты. Оказавшийся в затруднительном положении царь согласился на условия херсонеситов. Этим был весьма огорчен римский военачальник Констанций, который успел купить у Фофорса мир за большие деньги. Но хитрые херсонесские послы предложили римлянам шантажировать боспорского царя и дальше, требуя вернуть всех римских пленников и отказаться от обещанной выплаты, иначе херсонеситы Боспор царю не вернут. Фофорс был вынужден пойти и на эти условия. Херсонеситы возвратили ему царство после того, как все римские пленники и земли были освобождены. Они выполнили свое обещание, и Боспор достался царю неразрушенным и неразграбленным. За это император Диоклетиан подтвердил прежние права и свободы херсонеситов, а Констанций Хлор

спустя два года стал его соправителем (тетрархом). В ходе переговоров с Диоклетианом херсонеситы неоднократно подчеркивали, что они ему «охотно повинуются», называют его «повелителем», а себя «его подданными» (De Admin. 53.41–119). Но при этом в награду просили подтвердить их свободу, независимость и освобождение от имперских податей, что и было им предоставлено (De Admin. 53.110–115).

Этот отрывок содержит два последовательных сюжета: военно-тактический и военно-дипломатический. В обоих подчеркивается умение херсонеситов достигать своих целей с помощью хитрости. Автор отмечает, что эти свои качества горожане поставили на службу Риму.

Единого мнения о том, атаковали ли херсонеситы Боспор в одиночку или вместе с дислоцировавшимся в городе римским гарнизоном, как и о том, кем были баллистарии на колесницах — херсонеситами или римлянами, — в исторической науке не выработано. Часть исследователей считает их херсонесским ополчением на основе упоминания о привилегиях, которые даровал херсонесским баллистариям Константин Великий после их победоносного участия в сражении со «скифами» на Дунае (второй сюжет главы 53) (De Admin. 53.119–157) [20], [21]. Их оппоненты, опираясь на найденные в Херсонесе надписи IV–V вв., в которых восхваляются римские императоры, а баллистарии упоминаются именно как римские воины во главе с римскими же военачальниками, утверждают, что это был введенный в город имперский контингент. А информация Константина Багрянородного — результат политически ангажированного редактирования древних текстов, предпринятого в X в., чтобы подчеркнуть древность традиции преданности Херсонеса–Херсона имперским властям, благоволения императоров к этому городу и дарования ему вольностей. На самом деле баллистарии были римскими, но дислоцировались в Херсонесе на постоянной основе [22], [23], [8], [24].

Есть и компромиссная точка зрения, представляющаяся наиболее правдоподобной, согласно которой в Херсонес вначале было введено и размещено на постоянной основе римское артиллерийское соединение, а затем его начали комплектовать из местных уроженцев [25. С. 178].

В 291 г., когда происходили описываемые события, римляне в составе баллистариев, несомненно, были. По мнению французского исследователя К. Цукермана, в конце III в. в Херсонесе дислоцировалось соединение под названием *Balistarii Dafnenses*, находившееся в подчинении *magister militum* Фракии [26]. К. Цукерман убежден, что местных уроженцев в составе этого соединения не было, так как они (по сообщению Константина Багрянородного) были ополченцами, а ополченцев-артиллеристов якобы не бывает: *«Выглядит это столь же несообразно, как, скажем, в наше время народное ополчение ракетчиков»* [8. С. 553]. Наиболее аргументированно ему возразил М.В. Щукин: *«Я же такое вполне могу вообразить, достаточно и нескольких толковых*

командиров и инструкторов, чтобы научить новобранцев нажимать нужные кнопки» [19. С. 445].

Насколько нестандартным было то, что сотворили ведомые римлянами херсонесские баллистарии под стенами Боспора (бывшего Пантикапея)? Ответ на этот вопрос дают наставления жившего на рубеже IV–V вв. римского военного историка и теоретика Флавия Вегеция, автора популярного в средние века трактата «*De re militari*». Он известен также под названием «*Epitoma Rei Militaris*» — «Краткое изложение военного дела». Трактат основан на анализе многовекового римского военного опыта. Его изучение позволяет понять, что в выманивании боспорян в засаду ничего принципиально инновационного (а уж тем более сказочного) не было. Вегеций наставлял: «*Если же он (полководец — В.Х.) поймет, что враг сильнее его, пусть избегает открытого боя; ведь и менее многочисленные и более слабые силами, устраивая внезапные нападения и засады, при хороших вождях часто одерживали победы*» (Vegetius. III.9). Поскольку Боспорское государство было значительно крупнее херсонесского, то даже учитывая уход части сил боспорян с царем «Савроматом» в Анатолию и гипотетическое участие римлян в походе на Боспор, нападающих, видимо, было меньше, чем обороняющихся. В сложившихся тогда условиях римляне вряд ли могли держать в Херсонесе полноценное воинское соединение. Скорее это, действительно, были немногочисленные командиры и инструкторы.

Эффективность засад как способа разгрома врага Вегеций оценивает очень высоко: «*Считается, что нет ничего опаснее, чем если против неразумно преследующих выступят те, которые были оставлены в засаде или которые раньше к этому приготовились. А это как раз особенно удобный момент для засады, так как по отношению к отступающим проявляется больше смелости, но и меньше предусмотрительности*» (Vegetius. III.22). Этот фрагмент настолько точно описывает происшедшее под стенами Боспора, что можно было бы предположить: Вегеций знал об этом сражении. Но это, разумеется, недоказуемо.

Римский военный теоретик наставляет своих читателей тщательно выбирать время для заманивания врага в ловушку, когда он наименее внимателен и максимально расслаблен: «*Не только во время осад, но и в войнах всякого другого рода особенно важным считается старательно разузнавать все, касающееся привычек врагов, и точно их знать. Иначе нельзя, например, найти удобного момента для засад, если ты не знаешь, в какой час враг прекращает свой упорный труд, когда он оказывается менее осторожным, — а это бывает иногда в полдень, иногда к вечеру, часто ночью, иной раз в то время, когда он принимает пищу, когда воины с той и другой стороны рассеиваются для отдыха или физических потребностей. Когда это начинается в городе, то осаждающие коварно прекращают сражение, чтобы дать возможность широко развернуться вражеской небрежности. Когда она возрастает*

вследствие безнаказанности, осаждающие, внезапно пододвинув машины или поставив лестницы, занимают город» (Vegetius. IV.27).

Второй вопрос, который возникает в связи с этим эпическим сражением, что представляло собой оружие, решившее исход боя — хироволистры. Наличие на вооружении позднеримской полевой армии ручных стрелометов (хироволистр), стреляющих по принципу арбалета, констатирует тот же Вегеций. Он называет их карробаллистами (*carroballista*). Сражающихся с их помощью воинов он именует трагуляриями (*tragularii*) (Vegetius. II.15). Размещение хироволистр (карробаллист) на повозках он также включает в стандартный набор вооружения легиона: *«Обычно каждая центурия имеет свою «карробаллисту» (баллисту, поставленную на повозку), к которым приписываются мулы для перевозки и по одному человеку из каждой палатки, т.е. 11 человек, для ее обслуживания и наводки. Чем эти баллисты больше, тем дальше и сильнее они бросают стрелы. Они не только защищают лагерь, но и в поле они ставятся позади тяжеловооруженной пехоты. Силе их удара не может противостоять ни вражеский всадник, одетый в панцырь, ни пехотинец, защищенный щитом. Таким образом, в одном легионе обычно бывает 55 карробаллист» (Vegetius. II.25).*

Появились эти античные «тачанки», как назвал их М.В. Щукин [19. С. 444], задолго до не только Вегеция, но и херсонесско-боспорских войн. Они дважды (вместе с орудийной прислугой) изображены в 113 г. на колонне Траяна в Риме. Причем использовались они на войне с даками, в Северном Подунавье, совсем недалеко от места изучаемых нами событий [27].

В типовой набор вооружения крепостного гарнизона хироволистра, наряду с большими баллистами, также входила (Vegetius. III.3). В стандартном пехотном полевом строю хироволистры и их орудийная прислуга ставились в пятом ряду построения, вместе с пращниками (Vegetius. III.14). Ручные баллисты прозвали в римской армии «скорпионами»: *«Названы они были так потому, что маленькими и тонкими стрелками они наносят смерть» (Vegetius. IV.22).*

Существовали хироволистры увеличенного калибра и мощи, также установленные на телеги. Изначально они были изобретены для борьбы против боевых слонов противника (Vegetius. III.24). Но, по всей видимости, отлично работали и против лошадей, на которых смельчаки совершали вылазки из осажденных крепостей.

Но если засада и использование хироволистр на повозках не были чем-то новым в истории войн, чем тогда стремился похвалиться херсонесский хронист, и почему это привлекло внимание Константина VII? Речь, судя по всему, идет о создании в Херсонесе (или перебазировании в город) отдельного мобильного соединения баллистариев, для действий которого на поле боя были, видимо, разработаны и оттачивались специальные тактические

приемы. Херсонесское соединение «преданных баллистариев», впервые упомянутое в связи со сражением 291 г. под стенами Боспора, в дальнейшем существовало веками: Константин Багрянородный пишет о нем в настоящем времени (*De Admin.* 53.155–161). Т.е. оно, возможно, существовало и в середине X в. В памятниках эпиграфики IV–V вв. они упоминаются неоднократно [24. С. 359–362].

Сражение на Дунае (второй сюжет)

Специальные боевые навыки и доблесть «преданных баллистариев» из Херсонеса оказались вновь востребованы и высоко оценены сыном Констанция Хлора Константином Великим в войне со «скифами» (готами?) на Дунае. Это произошло в ходе одного из варварских нападений на дунайскую границу при Константине — в 323 или 332 г. [19. С. 444] (в трактате «Об управлении империей» даты отсутствуют). *«После того, как Констант умер, в Риме царствовал Константин, его сын. Когда он пришел в Византию и против него был некоторыми в Скифии затеян мятеж, он вспомнил сказанное его отцом Константом о благосмыслии и союзной дружбе херсонитов и отправил в страну херсонитов послов, чтобы они выступили против страны скифов и сразились с восставшими против него... Херсониты, охотно повинувшись повелению, приготовив со всем тщанием военные колесницы и хироволистры, достигли реки Истра и, переправившись через нее, сразились с повстанцами и победили их»* (*De Admin.* 53.124–135).

Рассказ об участии херсонеситов в войне за императора Константина на Дунае не содержит военно-тактического аспекта. Главное его содержание — следующее за процитированным отрывком подробное описание милостей, которыми император одарил Херсонес за боевую доблесть: подтверждение элевтерии (вслед за Диоклетианом, о чем сказано в первом сюжете), золотая царская статуя, 1000 аннон (продовольственных пайков), припасы для хироволистр. Далее подчеркивается, что «вплоть доныне» (т.е. к моменту написания текста трактата или хроники, которую он цитирует) херсонесские стратиоты служат в соединении баллистариев (*De Admin.* 53.125–161). Главное здесь — констатация вновь проявленной доблести и преданности херсонитов императору и империи.

Битва при Кафе (третий отрывок)

В третьем эпизоде, датированном исследователями временем между 329 и 340-ми гг., царь Боспора Савромат, внук того Савромата сына Крискорона, который ходил походом на римлян, решил отомстить Херсонесу за поражение в предыдущей войне. Собрав войско из подданных, живших по берегам Азовского моря (сарматов и готов?), он пошел на херсонеситов войной.

Правивший Херсонесом Виск сын Суполиха двинул свои войска навстречу агрессору, и битва между ними произошла у границ Боспора — «в местности Кафа», т.е. неподалеку от древней Феодосии (De Admin. 53.162–173). Свидетельством военной активности этого времени на пространстве между Судаком и Феодосией является обнаруженное на этой территории множество монетных кладов с монетами боспорских царей, самые поздние из которых изготовлены в правление Рескупорида V (VI), т.е. до 341 г. [28].

Битва закончилась победой Херсонеса. В местности Кафа были установлены пограничные камни, а боспорский царь принес клятву, что новую границу между двумя государствами не нарушит (De Admin. 53.173–179). Единственная фраза в этом рассказе, которую имеет смысл анализировать с военно-тактической точки зрения, звучит так: *«Херсониты... приготовясь к противоборству, сами встретились с Савроматом вне города... и сразясь с ним... победили Савромата и прогнали его»* (De Admin. 53.167–175). Баллистарии здесь не упоминаются. Но в боевой тактике херсонесского войска, по сравнению с первым эпизодом, явно прослеживается эволюция. В первом сражении (под стенами Боспора) херсонеситы, располагая меньшими силами, применили засадную тактику, добившись преимущества как внезапностью, так и применением из засады (возможно, первым в истории) соединения мобильной метательной артиллерии. На Дунае они действовали в составе большой имперской полевой армии столь смело и решительно, что их усилия, возможно, стали решающим фактором победы. Это и предопределило тот «шквал» милостей, включая золотое изваяние императора, которым они были вознаграждены. Поэтому в кампании «в местности Кафа» вскоре после дунайской (боевой состав соединения был, видимо, в основном тот же) херсонеситы действовали дерзко и смело, стремясь разгромить противника в генеральном полевом сражении, чтобы впервые в истории расширить пределы Херсонеса до границ Керченского полуострова. За почти тысячелетнюю историю этого полиса такая возможность представилась херсонеситам впервые. И они не преминули ею воспользоваться, проведя демаркацию границы и взяв с боспорского царя клятву ее не нарушать. Т.е. отказаться от извечного стремления боспорян прямо или косвенно контролировать весь Крымский полуостров.

Столь резкое изменение расклада военных сил в Крыму в пользу Херсонеса порождает неизбежный вопрос: они это сделали самостоятельно или при поддержке римских войска? Хотя в трактате Константина Багрянородного римляне в качестве союзников Херсонеса не упоминаются, памятники эпиграфики и археологии свидетельствуют о том, что римские войска в битве при Кафе принимали самое непосредственное участие, тем самым оплатив Херсонесу, вручившему римлян на Дунае, той же монетой. О присутствии в это время в Херсонесе римских войска и их полководцев свидетельствуют довольно многочисленные латинские надписи [29. С. 343–345]. Одна из них, посвященная

римскому полководцу, чье имя не удалось прочесть, особенно красноречива. Этот безымянный для нас военачальник *«отмечен преданностью [войска]... доставил (Херсонесской) общине [безопасность?]... поверг во прах [врагов Римского народа] и (Херсонесской) общины»* [30. С. 70, № 20].

Расширение херсонесских границ и «усмирение» непокорного Боспора явно отвечало стратегическим интересам Рима. Поэтому неудивительно, что на новом рубеже двух государств в формально «независимой» от них Таврике римляне возвели два укрепления [31]. А население региона в это время предпочло переселиться из опасной приморской зоны как можно выше в горы [32. С. 51].

Поединок Фарнака с «Савроматом» (четвертый отрывок)

Примерно через 15 лет после вышеописанных событий еще один боспорский царь «Савромат» (Рескупорид V (VI)?), презрев данную ранее боспорянами клятву не нарушать установленной границы, что *«никогда никто из боспориан не дерзнет преступить их ради войны»* (De Admin. 53.183–184), вторгся со своим войском на херсонесскую территорию. Навстречу им выступило войско под командованием Фарнака сына Фарнака. Обе армии встретились в местности Кафа и разбили лагерь на возвышенных местах. Как и при осаде Боспора, предводитель херсонеситов решил прибегнуть к хитрости. Фарнак был мал ростом, а Савромат высок и имел богатырское телосложение. Тем не менее, Фарнак предложил ему поединок вместо полевого сражения, чтобы *«не погубить бесчисленное множество людей»* (De Admin. 53.191–192).

Херсонесский полководец не сомневался, что царь согласится, будучи уверен в легкой победе. Так и вышло. Хитрый Фарнак приказал своему войску, когда начнется поединок и Савромат окажется спиной к херсонесским воинам, дружно, громко и коротко выкрикнуть восклицание «А! а!». Он рассчитывал, что противник невольно обернется на крик, и между пластинами его шлема образуется щель, через которую его можно будет поразить копьем. План Фарнака удался, боспорский царь был повержен, его голова отрублена, победа досталась Херсонесу. Часть боспорского войска была распущена, часть взята в плен. Большую часть пленников херсонеситы вскоре отпустили, а меньшую расселили в пределах херсонесских владений «для земледелия» (De Admin. 53.193–234). Предполагается, что это были аланы, а местом их расселения стала долина реки Бельбек [33].

Пограничная линия была передвинута херсонеситами на восток до городка Казека на мысе Чауда. В результате во власти боспорян осталась лишь половина Керченского полуострова. На новой границе были установлены пограничные камни, но прежний рубеж в местности Кафа разбирать не стали, и в X в. древние порубежные знаки сохранялись на обеих границах (De Admin. 53.224–227).

Завершая этот сюжет, автор констатирует: «С тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено» (De Admin. 53.233–234). Он, видимо, имеет в виду конец прежней династии Тибериев-Юлиев. Действительно, вплоть до воцарения на рубеже V–VI вв. Тиберия Юлия Дуптуна, гунна по происхождению, имен боспорских царей мы не знаем [34. С. 241–242].

Этот поединок «Давида и Голиафа», как было показано выше, вызвал особый скепсис Теодора Моммзена. В результате его анализ в историографии совершенно отсутствует. Но зададимся вопросом, так ли редки были поединки полководцев, заменявшие сражения? Ведь военное дело прецедентно. В военной истории есть множество примеров, когда кто-то стремится повторить и повторяет подвиг, ранее уже совершенный и прославленный. Любой образованный эллин или римлянин знал о легендарном поединке Ахилла и Гектора. Не менее знаменит, благодаря Плутарху, был поединок 289 г. до н.э. между царем Эпира Пирром и македонским архонтом Пентавхом (Plutarch. Pyrrhus. VII). Квинт Курций Руф сообщает о поединке сатрапа персидской провинции Ария Сатибарзана и полководца Александра Македонского Эригия, решившем исход битвы персов и македонян. Римский историк подчеркивает, что Эригий был седовластым стариком и намеренно снял шлем, чтобы «kozyрнуть» своим преклонным возрастом. «И случилось так, что Эригий оказался победителем. Растерявшиеся из-за смерти своего военачальника, варвары перешли на службу к царю, предварительно получив от него гарантии» (Rufus. X.1.42). Как видим, боспоряне, лишившись царя, павшего в поединке, повели себя точно так же, как персы из рассказа Руфа.

Приведенные примеры далеко не единичны. Герои, предотвращавшие или заканчивавшие сражения, победив в поединке, во множестве представлены и в эллинской, и в римской исторической традиции. Причем в большинстве рассказов о таких подвигах победитель изначально слабее проигравшего, которого античные авторы обычно изображают богатырем [35. С. 148–151]. В последующей ромейской истории такие случаи также бывали. Пожалуй, самым знаменитым из них стал поединок в битве при Амории 24 марта 979 г. двух знаменитых полководцев — Варды Склира и Варды Фоки в ходе гражданской войны (апостасии) в империи [36. С. 8].

Таким образом, в действиях херсонесского архонта Фарнака сына Фарнака не было ничего необычного, как и в готовности боспорского царя принять вызов. Оба они следовали многочисленным примерам доблести, на которых их воспитывали. С одной только поправкой: херсонесский архонт, как и его предшественник в битве при Боспоре, помножил доблесть на хитрость. И тем достиг победы. В трактате Константина Багрянородного много советов премнику, как действовать, сочетая силу, доблесть и хитрость. Видимо, именно эти качества херсонесских вождей настолько импонировали Константину VII, что он решил поучить сына ведению дел на их примере.

Заключение

1. Выписка из древних херсонесских хроник в главе 53 трактата «Об управлении империей» не является механической вставкой. Она несет явный дидактический смысл и помещена в текст по личному указанию Константина Багрянородного. Обучаемому (юному императору) через рассказ о борьбе Херсонеса и Боспора доносится мысль, что хитрость в сочетании с отвагой, мужеством и преданностью отечеству всегда побеждает. Это — весьма ценное для василевса ромеев наставление, которым руководствовался и сам Константин Багрянородный, как в борьбе за власть, так и в управлении государством.
2. В сообщениях первых четырех эпизодов рассказа о херсонесско-боспорском противостоянии нет ничего сказочного, фантастического, неправдоподобного, беллетризованного. Действия херсонеситов в битве при Боспоре в основном коррелируют с наставлениями трактата Флавия Вегеция, написанного вскоре после описываемых Константином Багрянородным событий. Инновация херсонеситов, которая привлекла внимание и хрониста, и императора, заключалась, видимо, в засадных действиях сводного мобильного отряда баллистариев, что было тогда в новинку.
3. Военно-тактические и военно-дипломатические усилия херсонеситов во время и после битвы при Боспоре были по достоинству оценены цезарем (впоследствии августом) Констанцием Хлором, так как не только помогли ему справиться с нашествием Фофорса, но и стать императором. Для него помощь херсонеситов была столь важной и ценной, а оказанная ими услуга столь неожиданной, что он поведал об этом сыну — Константину. Основатель Нового Рима запомнил эту информацию и, в свою очередь, испытал доблесть херсонесских баллистариев в сражении с варварами на Дунае, где они, видимо, вновь сыграли решающую роль в победе, поскольку награда за эту услугу была чрезвычайно щедрой.
4. Эти победы придали херсонеситам столько уверенности в военном превосходстве над Боспором, что в следующей войне они решились на открытое полевое сражение, в котором одержали решительную победу, хотя, вероятно, не без помощи благодарных римлян.
5. Замена сражения на поединок вождей в следующей херсонесско-боспорской войне была достаточно типичной для античных баталий. Таких примеров множество, как в эллинской, так и в римской истории. Поэтому достоверность и этого сообщения Константина Багрянородного и его херсонесского источника сомнений не вызывает.

Войны Херсонеса с Боспором в полной мере укладываются в позднеантичную военно-тактическую парадигму. Но доблесть и военная хитрость, которую демонстрировали при этом херсонеситы, была чем-то выдающимся

даже для античных времен, что и привлекло внимание венценосного автора. Последний столь сильно ценил обладание Херсонесом–Херсоном, что в конце той же 53-й главы наставлял сына, как усмирить этот город, не применяя к его жителям военной силы, если они все же «когда-либо восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям» (De Admin. 53.512–513).

Библиографический список

1. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцева. М. : Наука, 1989.
2. *Shchavelev A.S.* Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // *Studia Ceranea*. 2019. № 9. P. 681–704.
3. *Constantini imperatoris Porphyrogeniti*. De administrando imperio / ad romanum f. liber nunquam antehac editus. Joannes Meursius primus vulgavit, Latinam interpretationem, ac notas adjecit. Lugduni Batavorum [Leiden] : ex officina Joannis Balduini, impensis Ludovici Elzevirii, 1611.
4. *III [тур].X.* Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 года // *Сын Отечества*. 1827. Ч. 114. С. 242–259.
5. *Garnett R.* The Story of Gycia // *English Historical Review*. 1897. Vol. 12. № 45. P. 100–105.
6. *Маяк И.Л.* Моммзен Теодор // *Большая Российская Энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/c/mommzen-teodor-987fab>
7. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. Провинции от Цезаря до Диоклетиана / пер. с нем. Под общ. ред. Н.А. Машкина. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1949.
8. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1994. Вып. IV. С. 549–561.
9. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь : Дар, 1999.
10. *Грацианская Л.И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного («De administrando imperio», сар. 53, lin. 1–492) // *GAUDEAMUS IGITUR: сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 128–137.
11. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. М., 1967. С. 206–208.
12. *Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus, Information on the Bosphoran Kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // *Annales Letteraires de I, Universite de Besancon*. Paris : Les Belles Lettres, 1977. P. 87–114.
13. *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора : Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород : Изд-во БГПУ, 1996.
14. *Болгов Н.Н.* Боспор, Херсонес и Рим в конце III — первой половине IV вв. (к проблеме интерпретации Const. Porph. De adm. Imp., 53) // *Боспорские чтения*. 2002. Вып. III. С. 9–15.
15. *Ярцев С.В.* Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. — 3-я четверть IV в. н. э.). Дис... докт. ист. наук. 07.00.03. Белгород, 2016.
16. *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio // *Corpus fontium historiae Byzantine*. V. 1. Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies Trustees for Harvard University, 1967.

17. *Shchhavelev A.S.* Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // *Studia Ceranea*. 2019. № 9. P. 681–704.
18. *Ševčenko I.* Re-reading Constantine Porphyrogenitus // *Byzantine Diplomacy* / ed. J. Shepard. London : S. Franklin, 1992, P. 167–170.
19. *Шукин М.В.* Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005.
20. *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III — на рубеже IV–V вв. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 291–302.
21. *Сорочан С.Б.* Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 124–125.
22. *Tomlin R.* Seniores-Juniores in the Late-Roman Field Army. *The American Journal of Philology*. 1972. Vol. 93. № 2. 253–278.
23. *Baatz D.* Katapulte und mechanische Handwaffen des spätrömischen Heeres. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 1999. № 10. S. 5–19.
24. *Вус О.В.* Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III — V вв. н. э. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2016. Вып. 8. 357–376.
25. *Айбабин А.И.* Крым в период аланских и германских миграций. Середина III–IV век // *История Крыма*. Т. 1. М. : Кучково поле, 2018. С. 151–182.
26. *Zuckerman C.* The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus. *Travaux et mémoires*. 1991. № 11. P. 527–553.
27. *Cichorius C.* Die Reliefs der Traianssäule. Erster Tafelband: Die Reliefs des Ersten Dakischen Krieges. Berlin : Verlag von Georg Reimer, 1896. Tafeln XXXI, XLVI.
28. *Исанчурин Е.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело царя Радамсада // *Нумизматика и эпиграфика*. 1989. Вып. XV. С. 90–92.
29. *Ушаков С.В., Хапаев В.В.* Процесс вхождения Юго-Западного Крыма в состав Восточной Римской империи (IV–VI вв.) // *История Севастополя в трех томах*. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М. : ИстЛит, 2021. С. 339–394.
30. *Лепер Р.Х.* Херсонесские надписи // *Известия императорской археологической комиссии*. 1912. Вып. 45. СПб. : Изд-во Имп. АН. С. 23–70.
31. *Вус О.В.* Приморские castella tumultaria Судака в контексте военно-инженерной практики римлян в Крыму в IV веке // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. 2013. Т. 2. Харьков : Майдан. С. 102–115.
32. *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // *Сугдейский сборник*. 2004. Вып. 1. Киев; Судак : Академперіодика. С. 45–74.
33. *Юрочкин В.Ю.* Памятники группы Озерное — Инкерман в позднеантичном Крыму // *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции*. Севастополь, 1997. С. 132.
34. *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 233–247.
35. *Бриан П.* Дарий в тени Александра / пер. с франц. А.Н. Степановой. М. : Вече, 2007.
36. *Михаил Пселл.* Хронография / пер., статьи и коммент. Я.Н. Любарского М. : Наука, 1978.

Информация об авторе:

Хапаев Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33, e-mail: khapaev007@mail.ru. ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-код: 8142-9627.